

Всем смертям назло

Для России 22 июня 1941 года стало роковым днем — на четыре года жизнь людей превратилась в выживание

НО ПРОЙДЕТ ЕЩЕ каких-то двадцать лет — и мало кто вспомнит о солдатах второй мировой. Именно поэтому необходимо рассказать о них пока не поздно. Сегодня речь пойдет о Дмитрии Федоровиче Койнове — необыкновенном человеке, прошедшем весь ад военных лет. Несмотря на свои 94 года он выглядит невероятно бодро, помнит каждый день войны, унесшей жизни многих его друзей.

Великая Отечественная началась для ветерана в Златоустовском военно-техническом училище, куда его направили в июне 41-го года из родного Магнитогорска. Будущего героя вместе с другими земляками проводила вся Магнитка, и последнее довоенное воспоминание Койнова — это море людей на площади перед левобережным Дворцом культуры металлургов. В училище солдату пришлось вспомнить мастерство саперного дела, которым он овладел в годы армейской службы, а через полгода обучение закончилось, и Дмитрий Федорович, ставший лейтенантом, попал в действующую армию. Весной 42-го около селения Кернийши сапера ранили в голову. Ранение было очень серьезным, и, казалось, спасти солдата могло только чудо, но крепкий телом и духом Койнов через два месяца снова был в строю на передовой. Саперной бригаде Койнова приходилось возвращать к жизни превращенные в руины города, спасать раненых, а главное — прокла-

дывать путь через заминированные поля, леса и мосты. Каждый день он чувствовал дыхание смерти.

Везение Дмитрия Федоровича и впрямь можно назвать невероятным. Однажды он с тремя друзьями стоял на небольшой лесной поляне возле костра, наслаждаясь редкими минутами отдыха. Вдруг в ствол росшей неподалеку сосны врезалась вражеская бомба. Дмитрий Федорович успел укрыться в окопе, а его товарищи погибли.

За участие в боях и прорыв обороны противника Койнов получил вы-

В 1953 году ветерану пришлось стать свидетелем еще одного страшного события — взрыва атомной бомбы

семь благодарностей от самого Сталина. За военное время, казавшееся бесконечным, он прошел весь юг России, Украину, Польшу, Чехию, Германию. Дмитрий Федорович участвовал в легендарном форсировании реки Черные воды — тогда он прошел пять километров по пояс в ледяной воде. Извилистые пути фронта свели Койнова с Леонидом Ильичем Брежневым. Их встреча произошла в 1942 году: будущий генсек был начальником политического отдела в 18-й десантной армии в звании полковника.

За четыре года Дмитрий Федорович увидел войну во всем ее страшном облике, но в 1953 году ветерану пришлось стать свидетелем еще

одного страшного события — взрыва атомной бомбы. Под Троицком проходили учения. Посреди небольшой долины белой известью был обозначен квадрат, на который с десятикилометровой высоты должны были сбросить самое страшное оружие, изобретенное человеком. Койнов укрылся в траншее, оставив лишь маленькую дырочку для воздуха, из-за чего в окопе было темно. Когда прогремел взрыв, земля вздрогнула, а внутри укрытия все осветилось. Когда солдат вылез из траншеи, то увидел в воздухе темно-серое облако, которое, казалось, кипело. Только потом Дмитрий Федорович узнал, что бомба взорвалась в воздухе, на высоте трехсот метров.

Военному делу ветеран отдал 22 года жизни, в отставку вышел в 1957 году в звании подполковника.

Отец ветерана был лесничим и с младенчества прививал парню любовь к живой природе. Еще до войны, окончив школу, будущий герой войны поступил в Талицкое лесотехническое училище и выучился там на лесоустроителя. Много усилий Койнов приложил, чтобы озеленить любимую Магнитку, будучи начальником городского цеха благоустройства. Благодаря его стараниям в Магнитогорске появился экопарк, на уральских «юсах» выросли красивые и стройные тополя, а район ТЭЦ «оброс» соснами. За монументом «Тыл-Фронту» раскинулся чудесный парк, который вырастили городские школьники. Прорабом у них был Дмитрий Федорович Койнов.

Сейчас цех благоустройства больше не существует, а ветеран давно находится на заслуженном отдыхе, все силы отдавая своему давнему увлечению — стихам. Пишет Койнов уже почти семьдесят лет и может переключиться на стихотворный лад любую тему. Он хочет передать привет всем героям Великой Отечественной войны со страниц нашей газеты:

*Мало, мало нас осталось,
Прямых свидетелей войны,
Много горды нам доспелось,
Нашей нет в беде вины.*

Кирилл СМОРОДИН.

Помню тебя, брат...

Прости, я больше не смогу приехать на твою могилу

Я разыскал могилу своего брата и ездил туда несколько раз, пока это было возможно...

Я очень любил его. Он был старше меня на три года — 1923 года рождения. Статистика беспощадна: только трое из ста, рожденных в этом году, вернулись с войны. С братом Иваном мы расстались в 1940 году, а встретились только через 44 года...

Детство наше было нелегким. В голодном 1933-м умерла мама и не стало двух младших братьев. Росли в нужде и бедности, но мечтали о светлом будущем. Учились хорошо, любили читать. После семилетки брат сдал вступительные экзамены в Бузулукский библиотечный техникум, где учиться так и не пришлось — как раз в том году ввели плату за обучение, а у отца денег не было. В то время в колхозе за работу денег не платили, а продавать было нечего. В том же году Иван уехал в медногорскую школу ФЗО учиться на бурильщика. Затем — геолого-разведочная партия, Читинская область — найдены залежи молибдена, награда — и письма, письма...

Война, благоустроенное пехотное училище, звание младшего лейтенанта и — фронт. «Счастливым будет тот, кто останется живой в этой войне», — писал он. Как я узнал уже после войны, служил он в 28-й стрелковой дивизии, впоследствии получившей название «Невельской». 6 ноября 1943 года Иван был тяжело ранен в ногу и голову. Очнулся в вагоне эвакуационного поезда. Тогда он был уже старшим лейтенантом. После выздоровления — снова фронт, родная дивизия, которая в то время вела наступательные бои...

В ноябре 1943 года был призван в армию и я, после учебы стал снайпером. Отец тоже был на фронте. Началось наступление в Белоруссии. Брат уже был капитаном и командовал ротой. Очень переживал за меня, писал: «Брат, береги себя, действуй обдуманно. Многие молодые гибнут из-за своего мальчишества, по глупости».

Мы шли на Запад. Наши дивизии тогда были

недалеко друг от друга, хотя мы и не знали об этом. В июле 1944 года мы были в северной части Литвы, а брат — в южной части Латвии. Последнее письмо от брата содержало радостное сообщение: встретился со своим директором школы, который был в звании лейтенанта. Сколько радости! После войны я неоднократно встречался с женой директора, и мы вспоминали эти письма. Пройдет много лет, его дочь Роза тоже станет учительницей, однажды поедет со своими учениками в Латвию и побывает на могиле отца. Через много лет я узнал, что земляки встретились под городом Даугавпилс. Директор после наступления погиб от ран 27 июля, а брат — 31 июля при освобождении Ливаны...

В сентябре мы стояли в обороне. По ночам из окопов ходили в наш тыл. На кухне набирали ведро каши, чаю, боеприпасы и шли обратно в окопы. В тот раз за продуктами пошел. Кроме всего, старшина вручил мне письмо, написанное чужой рукой. Капитан, друг брата, писал, что при форсировании реки в городе Ливаны погиб его друг, капитан Петров Иван Филиппович. Пуля попала ему в голову, похоронили его на краю большой дороги, и части, идущие на запад, отдадут ему почести. Я горько плакал: погиб мой самый любимый человек. Так он и не побывал дома, не увидел больше своих родных и близких. Погиб он в июле, а письмо я получил в сентябре. Точно, как у Симонова:

*«Уж ничего не сделать тут —
Письмо медлительнее пули.
К вам письма в сентябре придут,
А он убит еще в июле».*

Совпало так, что он погиб 31 июля, а 1 августа пошли в наступление мы. Были тяжелые бои: по поспевшим хлебам цепью шли в наступление, рвались мины, снаряды, свистели пули, навстречу шли немецкие танки. Мы потеряли немало молодых ребят в этих хлебах, но немцы все же отступили...

Шли годы, победоносно закончилась война, но я всегда помнил о брате. Писал письма вплоть до секретаря райкома Ливанов. И он ответил, что брат погиб в селе Стеки и похоронен в со-

вхозе Рудзеты. Но в извещении сообщалось, что он погиб и похоронен в Ливаны. В 1984 году я решил поехать в этот город... Вот и река Даугава, где погиб мой брат. Зашел в горисполком города Ливаны. Работники военно-учетного стола Алма Озолинь и Лариса Мрачковская достали журнал, где были записаны все погибшие в боях за город, кто и в каком ряду похоронен на кладбище. Нашли и фамилию брата: капитан Иван Филиппович Петров. По пути к братской могиле женщины рассказали, что 1 августа ко дню освобождения города приезжали ветераны. И если бы я успел к этой дате, то познакомился бы с однополчанами брата...

Опушка леса, чисто, прибрано, плиты с именами и званиями погибших. Вот и фамилия брата. Вот мы и встретились через 44 года.

После этой поездки я начал писать письма однополчанам брата. Мне хотелось найти тех, кто его знал и помнил. Ответили многие. Завязалась переписка с бывшим минометчиком, жившим в Екабпилсе, В. Матвеевым. Позднее мы с ним встретились. Спился я с председателем совета ветеранов дивизии из Сыктывкара И. Коноховым, с И. Межиным из Воронежа, который впоследствии издал книгу «Память в запас не уходит». Ответили мне разведчик Ивахов из госпиталя Ростова-на-Дону и бывший начальник штаба полка И. Островский. Он помнил брата: «Высокий, красивый, стройный капитан, немного прихрамывал»...

С 1984 по 1989 год я четыре раза побывал в Ливанах, близко познакомился с однополчанами. В каждый приезд мы посещали латышскую и русскую школы, проводили уроки мужества. Я тоже рассказывал о своем брате и городе, дарил книги о Магнитогорске. Алексей Кульков, бывший разведчик танкового корпуса, рассказал ученикам один случай. Как-то при проведении разведки встретили на хуторе мужа с женой и двумя дочками лет шести и шестнадцати. Поначалу девочки испугались, но им дали сахара, пошутили, что после войны придут и будут свататься к старшей дочери,

Вдруг учительница встала и сказала, что это правда: «Это они были у нас, я все помню. А маленькой девочкой была я...» Такие вот случаются совпадения...

Самая добрая память осталась о поездках в Ливаны. Там хорошо встречали ветеранов, расселяли, кормили в ресторане, организовывали экскурсии и концерты, поездки по местам боев. Последняя поездка была в 1989 году на праздновании 45-й годовщины освобождения города. Черная тень легла тогда на республику: «Народный фронт» ставил вопрос о выходе Латвии из состава СССР, вывешивались национальные флаги, основным языком считался латышский. Встреча все же прошла хорошо. Только на этот раз обратно мы должны были ехать не через Екабпилс, а через Даугавпилс поездом Калининград-Москва. Прощайте, Ливаны!...

На следующий день я стоял у окна в коридоре вагона, когда поезд подъехал к станции Издешково Смоленской области. Забило сердце! Именно здесь мы высадились в 1944 году, прибыв на фронт. Отсюда начался мой боевой путь, завершившийся под городом Тильзит. Тогда станции практически не было — руины. Теперь вдали зеленел лес, где мы временно жили в шалашах, а затем пополнили 263-ю Сивашскую дивизию...

Брат мой, прости меня, я больше не смогу приехать на твою могилу. Я все помню о тебе, хотя нам мало пришлось пожить вместе. Я помню, как мы спали летом во дворе в самодельной палатке. Помню, как мылись в бане и, разгоряченные, бежали к реке и бросались в прохладные воды. Когда я бываю в селе и иду вниз по реке рыбачить, то останавливаюсь около лошади на берегу, где мы играли в войну и ты командовал нами, называя себя «капитаном». Помню уборку хлебов за поворотом реки и обеденный перерыв. Мальчики состязались в прыжках с высокого берега в воду. Помню, как ты птицей взлетел над берегом, мягко вошел в воду и больше половины реки проплыл под водой. Это был рекорд, все были в восхищении. А я гордился тобой, брат. Я помню песню, которую ты любил:

*«Дан приказ ему на запад,
Ей в другую сторону.
Уходили комсомальцы
На гражданскую войну».*

Тебя любили и уважали односельчане. Брат мой, я любил и люблю тебя. Память о тебе я сохранил до конца своей жизни.

Михаил ПЕТРОВ, ветеран войны.